

Друг молодости Фета, чуткий русский критик Аполлон Григорьев писал о «странном звуке, который иногда, даже часто, не всякому уху доступен, не всякому сердцу понятен...». И далее: «Чувство в некоторых его стихотворениях как будто не созревает до совершенной полноты и ясности — и явно сам поэт не хотел довести его до такого определенного, общедоступного состояния...» Но именно в таком «колеблющемся» образе открывалась, по мнению критика, какая-то новая, неизведанная еще возможность раскрыть ту прихотливую логику человеческих ощущений, которая не может быть раскрыта никак иначе, и «читатель, увлеченный чувством поэта, не спросит от него строгой логической последовательности... за быстрые скачки и переходы мысли».

Другой приятель Фета — уже зрелых лет — чуткий русский критик Николай Страхов, восторженный ценитель фетовской лирики, особенно сетовал на то, что «не понимает смысла этих бесподобно-певучих строчек», и даже призывал поэта: «Ох! Если бы у вас была ясность, вы покорили бы мир!» Но даже Страхов не понимал, что если бы в стихах Фета была ясность — в том смысле, в каком ее понимало рассудочное и методическое сознание человека второй половины XIX века, — то и самого Фета-лирика попросту не существовало бы.

А сам Фет незадолго до смерти писал Якову Полонскому: «... Мало ли меня бранил даже ты за неясность и спутанность моих стихов? — а я все продолжаю в этом растрепанном роде. Для образца прилагаю вчерашнее стихотворение...»:

*Рассыпаясь смехом ребенка,
Явно в душу мою влюблены,
Пролетают прозрачно и звонко
Надо мною блаженные сны.*

*И, мгновенной охвачен истомой,
Снова молодость чуя свою;
Узнаю я и голос знакомый,
И победный призыв узнаю.*

*И, когда этой песне внимаю,
Окрыленный восторгом, не лгу,
Что я все без речей понимаю
И к чему призывает — могу.*

Фет настойчиво подчеркивал, что в его стихах и не надо искать «так называемого содержания», что в них «тон» и «музыка» важнее, чем «мысль». Он писал, что всякая поэтическая деятельность «слагается из двух элементов: объективного, представляемого внешним, и субъективного, зоркости поэта»; при этом «внешний, предметный элемент поэтического творчества безразличен», зато внутренний, то есть «степень поэтической зоркости — всё». Эта самая «зоркость поэта» не есть сколь-либо целенаправленная сила ума и наблюдения — она определяется силою чувства: «Реальность песни заключается не в истинности высказанных мыслей, а в истинности выраженного чувства».

Сам «предметный» элемент лирического творчества (то, о чем поэт пишет) становился в этом случае лишь поводом для душевного переживания и приобретал характер «случайный», «рас-

трепанный», нелогичный:

*Какая грусть! Конец аллеи
Опять с утра исчез в пыли,
Опять серебряные змеи
Через сугробы поползли...*

Что это за «серебряные змеи»? Темные тропинки в белых сугробах? Но при чем тогда «буря», поминаемая дальше, — буря заносит тропинки? Или, может быть, следы поземки, вихрящейся между сугробов?.. Для Фета, в сущности, это неважно. «Серебряные змеи» — это вовсе не предмет поэтического изображения. Это — лишь отправная точка для выражения чувства:

*И на душе не рассветает,
В ней тот же холод, что кругом,
Лениво дума засыпает
Над умирающим трудом.*

*А все надежда в сердце тлеет,
Что, может быть, хоть невзначай,
Опять душа помолодеет,
Опять родной увидит край,*

*Где бури пролетают мимо,
Где дума страстная чиста,
Где посвященным только зримо
Цветет весна и красота.*

Такого рода «непонятности» бесили современников Фета, ставили их в тупик. А Фет упорно настаивал на том, что для поэта, в сущности, не интересна даже «самая высокая мысль о человеке» — и в то же время «подравшиеся воробьи могут внушить ему мастерское произведение». Но эти «воробьи» опять-таки будут не предметом изображения, а лишь свидетельством душевного состояния. Эти знаки душевного состояния могут меняться, как меняется, «течет» человек, как движутся его чувства. Поэтому в стихах Фета очень часты прямые перечисления деталей, меняющихся и «исчезающих» образов, объединенных целостностью лирического порыва:

*Этот цветов обмирающий зов,
Этот теней набегающий кров,
Этот предательский шепот ручья,
Этот рассыпчатый клич соловья...*

Эта смена деталей закрепляет и смену настроений:

*На кресле, отвалиясь, гляжу на потолок,
Где, на задор воображенью,
Над лампой тихою подвешенный кружок
Вертится прозрачною тенью.*

*Зари осенней след в мерцаньи этом есть:
Над кровлей, кажется, и садом,
Не в силах улететь и не решаясь сесть,
Грачи кружатся темным стадом...*

*Нет, то не крыльев шум, то кони у крыльца!
Я слышу трепетные руки...
Как бледность холодна прекрасного лица!*